

УДК 78.03+78.071.4

*Е. Рощенко (Аверьянова)***ИМПЕРАТИВЫ И МАКСИМЫ ПРОДУКТИВНОЙ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ И. А. КОТЛЯРЕВСКОГО.
ПЕРВОЕ СЛОВО — ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО...**

Принципы продуктивной научной школы И. А. Котляревского трактованы в аспекте отражения личностных качеств ученого. Представлены отличительные черты продуктивной научной школы И. А. Котляревского, среди которых — умение обнаружить проблемную ситуацию, трактовка темы исследования как генокода работы, метод трансцендентального созерцания, диалектический и системный методы исследования, проблемный анализ, понятийная плотность научного текста, его прогностический характер, абстрактное мышление и дар научного предвидения.

Ключевые слова: *продуктивная научная школа, научный язык, проблемный анализ, тема исследования, абстрактное мышление, дар научного предвидения.*

Актуальность темы исследования. Изучение принципов научной школы в отечественном музыковедении рубежа XX—XXI веков, когда в украинской музыкальной науке свершилось формирование феномена школы, обрело особую актуальность. Сформированная доктором искусствоведения, профессором, членом-корреспондентом Академии искусств Украины Иваном Арсеньевичем Котляревским продуктивная научная школа является одной из наиболее перспективных и оригинальных в современном отечественном музыковедении, о чем свидетельствует результативность и перспективность принципов и методов научного познания, которыми руководствовался ученый, формируя научное мировоззрение учеников. Изучение основ продуктивной научной школы И. А. Котляревского имеет методологическое значение для развития музыковедения будущего.

Объект исследования — научная школа в музыковедении.

Предмет исследования — императивы и максимы продуктивной научной школы И. А. Котляревского.

Цель исследования — выявить сущность принципов и методов продуктивной научной школы И. А. Котляревского.

...В далекое лето 1984 была предопределена моя научная судьба. В роли «руки» судьбы выступила Людмила Михайловна Шевченко (тогда — обожаемая всеми заведующая аспирантурой Киевской кон-

серватории), введшая меня в кабинет Ивана Арсеньевича Котляревского — проректора по научной работе. Там, за письменным столом близ окна, в которое, казалось, с таким сочувствием заглядывали вечно юные ветви зеленеющих каштанов, я увидела того, кто стал моим Учителем. Стремительно быстро прочитав автореферат предполагаемой диссертации (тогда я не знала о том, что Иван Арсеньевич обладал способностью читать научные тексты по диагонали), задав несколько ошеломивших своей парадоксальностью вопросов, **ОН** произнес слова, навсегда врезавшиеся в память: «Я беру Вас в свой класс. Вы мне подходите. Только от этой темы Вам нужно будет отказаться. Диссертацию Вы будете писать на ту тему, которую я Вам дам». Иван Арсеньевич дал мне тему «Историко-социальные типы функционирования музыкально-культурного наследия в композиторском творчестве», о которой на предварительной защите заведующая кафедрой теории музыки, доктор искусствоведения, профессор Надежда Александровна Горюхина сказала, что над такой темой должен был бы работать целый научно-исследовательский институт... Отказавшись от «груза» вдруг показавшихся малоинтересными «студенческих штудий», я вошла в тот мир науки, путь в который указал Иван Арсеньевич...

Уметь отказаться от большого предварительного труда во имя того, чтобы исследование обрело лаконизм и новизну, — один из императивов научной школы Ивана Арсеньевича. В связи с этапами работы над докторской диссертацией «Музыкально-теоретические системы европейского искусствознания» [1], которую защитил осенью 1984 года, **ОН** говорил, что, описав системы и их виды, представив их дифференциацию, уничтожил этот материал во имя ядра исследования, нового слова в науке. «Если бы я оставил этот материал, не хватило бы места на изложение главного», — говорил И. А. Котляревский. Это было великое искусство (наука!) самоограничения, «отсечения лишнего» от «глыбы» научного материала, высекания из него кристаллически оформленного содержания. «Больше всего на свете я люблю изорвать ставшие ненужными исписанные страницы, прежде казавшиеся необходимыми», — говорил **ОН**. Усвоение опыта Учителя, умноженного на собственный, привело к выводу: в научном исследовании должен существовать избыток (переизбыток) материала, но не его недостаток.

Не только занятия, атмосфера, в которой они проходили, вызывала у начинающей аспирантки восхищенное изумление. Как мог **ОН**

одновременно руководить исследованием, отвечать на телефонные звонки, изучать и подписывать бумаги, давать рекомендации постоянно входящим в кабинет коллегам и вновь возвращаться к диссертационной теме, не теряя при этом ни одной нити полифонически разворачивающегося временного потока?

Уроки Ивана Арсеньевича производили огромное впечатление. Подобно Нептуну **ОН** повелевал морями и океанами моего формирующегося научного мышления, затапливая сады и города былой «Атлантиды», возводя новые «материки», взрывая прежние устои и пробуждая «вулканы» проблем, «фонтаны» идей. Как сложно было удержать в сознании только что родившийся ошеломляюще прекрасный мир! Не удивительно, что по возвращении «домой» — в аспирантское общежитие по улице Владимирской, меня встречала улыбающаяся Ирочка Коханык (тоже аспирантка И. А. Котляревского) со словами: «Тебе звонил Иван Арсеньевич и просил передать, что ты забыла у него на столе свою диссертацию...»

Императивы Учителя — от технического до методологического — были нацелены на достижение научных результатов.

ОН не желал читать написанные от руки странички. «Покупайте печатную машинку», — требовал Учитель. Трудно переоценить важность этого императива для продвижения научной работы. Изложение мыслей на печатной машинке (позднее ее место занял компьютер) организовало меня, приучив к тщательному, аккуратному оформлению текста.

«Анализ должен быть проблемным», — этот императив своей научной школы Иван Арсеньевич утвердил на первом же занятии.

Вскоре **ОН** спросил у меня: «Вы хотите написать диссертацию за три года?». — «Да», — робко ответила я. «Тогда Вы должны приносить 10 страниц в неделю машинописного текста!», — определил Учитель. А через мгновение добавил: «Но поскольку 10 страниц в неделю Вы и так приносите, следует писать 15...». Этой максиме, обобщившей опыт Учителя, я следовала и при написании докторской диссертации (следовать ей необходимо при работе над любым крупным исследованием: только тогда возможно завершить его).

Ивану Арсеньевичу была свойственна объективная оценка своей миссии: он осознавал масштаб роли создателя научной школы, что нашло отражение, в частности, в конференции «И. А. Котляревский и его научная школа» (2001) и сборнике трудов, выпущенных к его 60-летию [3]. В него вошли работы его учеников и тех, кто, оттол-

кнувшись от его идей, ощущал духовную соотнесенность с принципами его научного мышления.

Созданную им научную школу Учитель называл *продуктивной*. Некоторые из ее положений Иван Арсеньевич озвучил во время занятий. Некоторые проговорены им не были, став очевидными в результате анализа стиля его работы, требований к научному тексту, содержания его трудов.

«Вы — яркий представитель моей продуктивной школы», — говорил он накануне защиты моей докторской диссертации (20 февраля 2006 года). «Я ненавижу плодить эдаких маленьких наполеончиков в науке, которые являются не чем иным, как копиями своего учителя, — продолжал он. — Я ненавижу тиражировать темы или проблемы-дубли, искусственно взращенные по образцу и подобию моих собственных научных работ. Все это означает штамповать бесконечные «копии копий», любая из которых — неизбежно хуже оригинала. Более того, каждая новая копия оказывается все хуже и хуже предыдущей. Напротив, я хочу, чтобы каждый из моих учеников был не похож на меня, я хочу дать возможность проявиться каждому из них. *В науке меня интересует, прежде всего, личность исследователя*. Вы думаете, мне интересны Ваши мифологемы?¹ Мне интересны *Вы!* Ведь Вы совершенно на меня не похожи, и этим-то мне и интересно! Сам бы я никогда не стал заниматься этой проблематикой, а благодаря Вам вник в ее сущность. Утверждая свои собственные научные приоритеты, Вы являетесь ярким представителем моей продуктивной научной школы», — заключил Иван Арсеньевич. Услышав мои слова о том, что *ОН* оказал на меня огромное влияние, что я развиваю его методы (диалектический и системный, явленные в единстве), что моя докторская написана в результате бесконечного внутреннего диалога с ним, Иван Арсеньевич отвечал: «Вы только что убедительнейшим образом подтвердили принцип моей продуктивной научной школы! Выйдя из нее, Вы свободно идете абсолютно независимым путем».

Продуктивная научная школа И. А. Котляревского объединяла, казалось бы, несовместимые начала. Одно из них обусловлено верой в потенциальные возможности ученика, уважением к его индивидуальности, таланту. Другое основывалось на преобладании императивного наклонения в процессе занятий, оперировании репликами,

¹ Тема моей докторской диссертации — «Диалектика мифологемы и новая мифология музыкального романтизма» (2006).

подобными афористично сформулированным высшим принципам, определявшим сущность и направление исследования.

Требования к научному языку, предъявляемые Иваном Арсеньевичем, характеризовали качества объективности, строгости, лаконизма, «высоту позиции» исследователя. **ОН** учил, что научный текст должна отличать высочайшая степень понятийной плотности («Язык научного текста должен быть столь насыщенным, чтобы мышь хвоста не могла продрать!», — говорил Учитель), что научный язык должен быть красивым, будучи лишенным «красивости». Иван Арсеньевич был убежден, что, принимая во внимание эти критерии научности языка, любую фундаментальную научную концепцию можно изложить в течение 10 минут в устной форме или на нескольких страницах машинописного текста.

Иван Арсеньевич учил соотносить стиль изложения с предназначением научного текста, быть прагматичным в науке. «Это очень хороший материал, — сказал **ОН** однажды об одном из моих диссертационных «опусов». — Однако, написанный в свободной манере, текст этот выходит за пределы регламентированных требований ВАК, — продолжал Учитель. — По стилю он более соответствует монографии. Вам необходимо скорректировать изложение концепции сообразно нормативам, принятым для оформления диссертаций. Защитите докторскую — и пишите, что и как хотите».

Порой **ОН** казался безжалостным, даже жестоким в нежелании учитывать факторы личной жизни, препятствующие научной работе. Иван Арсеньевич не желал быть снисходительным: **ОН** никогда «не сходил» и не нисходил на тот порой весьма невысокий уровень, на котором находился ученик, требовательно поднимая его к той вершине, на которой пребывал сам, или же указывая тот путь, по которому возможно ее достичь.

Сколько раз, поставив передо мной казавшуюся невыполнимой задачу, Иван Арсеньевич уходил прочь — не оглянувшись, не взглянув ни разу, предоставив самостоятельно решать едва ли не «гамлетовские» по масштабу вопросы! Спустя годы, когда очередное поставленное Учителем задание оказалось вопреки объективным и субъективным препятствиям выполненным, Иван Арсеньевич произнес: «Простите меня, что я каждый раз бросаю Вас, словно котенка, в море, а сам ухожу, даже не глядя, выплывет котенок или нет. А котенок всегда выплывает...» Впоследствии я услышала от своего дяди — доктора физико-математических наук Владимира Борисови-

ча Юферова, что, руководствуясь этим принципом, с ним занимался академик Синельников, считавший, что в науке должны оставаться лишь те, кто, будучи «брошенным» в бурные воды «океана» познания, самостоятельно выплывет на «берег» и не только выживет на безбрежном «необитаемом острове» неведомого мира, но и создаст основы некой новой научной цивилизации...

Учитель был безмерно скуп на похвалы. Тем отраднее было от сказанного им изредка одобрительного слова, казавшегося выше любых самых почетных наград и восторженных оценок!

...7 ноября 2006 года я поздравляла Ивана Арсеньевича с днем рождения, как впоследствии оказалось — последним. Он был рад меня слышать, но недолго сосредоточил беседу на казавшемся мне главным предмете разговора, перейдя на более важную для него тему. Его волновало проведение конференции «*Рефлексия и дискурс в искусстве и искусствоведении*», к участию в которой **ОН** меня пригласил. Иван Арсеньевич подчеркнул, что тема конференции не ограничена музыкой и музыкознанием. «Для меня важно, чтобы этот аспект конференции, заключенный в ее теме, был понят участниками, чтобы в ее работе могли принять участие ученые, представляющие различные составляющие искусствоведения, чтобы конференция выполнила объединяющую роль, чтобы в ее итоге стало ясно, как в разных видах искусства и областях науки проявляются заявленные в заглавии аспекты», — таковы были задачи форума. Иван Арсеньевич возвращался к *ведению об искусстве*, представленному в его докторской диссертации. «Сможете ли Вы в своем докладе выйти за пределы одной лишь музыки и музыкознания, раскрывая проблематику конференции?» — спросил **ОН**.

Один из императивов продуктивной научной школы Ивана Арсеньевича касался *определения темы исследования как генокода работы*. Учитель считал, что удачная, лаконичная формулировка темы обеспечивает едва ли не семьдесят процентов успеха исследования, что тема отражает уровень научного мышления автора, являясь обобщением анализируемого материала. Ибо за темой стоит закодированная в понятиях и категориях та проблемная ситуация (или *summa summarum* таковых), что прогностически обуславливает сущность работы, ее структуру, научную новизну, методы и принципы научного познания. Иван Арсеньевич после рационального проникновения в глубины темы дистанцировался от нее, объективизировал ее проблематику, осмысливал, словно бы из «прекрасного далека», чтобы потом, по-

сле пристального «вглядывания» в нее, она засияла, подобно алмазу, на научном небосводе. «Ограничьте тему исследования!» — повелевал он, предостерегая от излишней увлеченности молодого исследователя избранной проблематикой, оборачивающейся угрозой усмотреть признаки анализируемого явления едва ли не во всех проявлениях музыкальной культуры. «Ограничьте» — ограните — внутренняя рифма, подчеркивающая ювелирность отделки темы исследования, которой добивался профессор Котляревский.

Иван Арсеньевич говорил, что при прочтении какой бы то ни было научной темы в его сознании возникает некий план, сообразно которому он сам излагал бы содержание данного исследования, формируется концепция, предопределенная исходной формулировкой. Затем он с интересом изучал структуру работы, написанной «под грифом» привлекавшей его внимание темы, сопоставляя предложенные автором этапы развития содержания с тем планом, что сложился в его сознании, мысленно отмечая, что совпадает, а что идет в разрез с его трактовкой проблемы. Одно лишь это свойство свидетельствует о таких качествах научного мышления Ивана Арсеньевича, как эрудиция, логика, способность к мгновенному конструированию целого в его деталях, дар научного предвидения. Описывая ход своих мыслей, вызванных проникновением в тему *чужого* исследования, он формировал в учениках способность моделировать его структуру и содержание, опережающее прочтение работы.

Занимаясь с учениками, **ОН** глубоко погружался в процесс интеллектуального, трансцендентального созерцания формулировки темы, упорно работая над ускользающим совершенством в ее определении. Когда же тема являлась ему, подобно озарению, в «полном облачении» (как Афина из головы Зевса!), Иван Арсеньевич повелевал: «А теперь немедленно пишите!». «Так как формулируется Ваша тема?» — многократно спрашивал меня в аспирантские годы мой Учитель. «Не удивляйтесь, — говорил он, услышав ответ, — тема любит, чтобы ее проговаривали, прописывали, озвучивали. Она должна отпечататься в Вашем сознании».

Тема являлась для него своего рода философским камнем, магическим кристаллом, в отсветах и глубинах которого видны очертания, контуры прозреваемого исследования. И. А. Котляревский говорил: «Давайте «повертим» Вашу тему», — добиваясь того, чтобы каждая «грань» **темы-камня** была безупречно отшлифованной, чтобы каждое заключенное в ней понятие заняло соответствующее

место, подобно драгоценному камню в ювелирном изделии, чтобы формулировка достигла совершенства, отточенности, став воплощением красоты мысли. Иван Арсеньевич говорил, что ученый должен обладать абстрактным мышлением и даром научного предвидения. Эти свойства ученого-мыслителя должны быть синтезированы в теме научного исследования, обретающей значение его итоговой формулы, последовательное развертывание которой представляла собой открываемая ею работа. Непреложным свойством научного текста, залогом его совершенства, согласно научной доктрине И. А. Котляревского, являлось абсолютное соответствие теме.

Ивана Арсеньевича отличала удивительная способность мгновенно проникать в существо едва ли не любой научной темы, умение увидеть в диссертационном тексте «зерна» истины и очистить их от «плевел» заблуждений.

Критерием научности текста Иван Арсеньевич считал его прогностический характер. И. А. Котляревский утверждал, что автор научного текста «не должен плестись позади мысли читателя», с опозданием предоставляя те аргументы и факты, что значительно ранее возникли в сознании просвещенного читателя, нежели появились в «ученом труде». Напротив, автор должен предвосхищать ход мысли читающего, увлекая его за собой в процессе изложения концепции.

Задуманная Иваном Арсеньевичем последняя в его жизни конференция — совершенное воплощение выработанной им концепции того, что должна являть собой научная тема. Ее формулировка лаконична и всеобъемлюща, включенные в нее проблемы составляют актуальные направления научной мысли, объединяя различные науки и искусства, сообщая им философский ракурс. Универсальность дарования, мощный светлый ум, тяготеющий к построению систем, целостному охвату научного мироздания, привлекли к участию в конференции ученых, объединенных стремлением осмыслить понимание предьявленных И. А. Котляревским идей и проблем.

Иван Арсеньевич планировал провести конференцию в первой декаде июня 2007 года, «где-то с 6 июня», уточнил он. Точкой отсчета в работе конференции, согласно его плану, должен был стать день рождения А. С. Пушкина, что придавало симпозиуму символическое значение. Однако первая декада июня в судьбе Учителя стала символом прощания, завершения его жизненного пути. Скорректированное жизнью и смертью время проведения конференции сохранило изначально сопровождающую ее символику, пересемантизировав ее:

итоговый символический смысл по-прежнему сопряжен с посвящением дню рождению, оттененным, однако, мемориальностью. Даты рождения и смерти образовали полифонию смыслов-посвящений. ***Число и имя последней конференции, задуманной ученым, предопределили характер сопровождающих ее рефлексии и дискурса размышлений post factum.***

Один из наших последних разговоров с Иваном Арсеньевичем касался еще одного посвящения. В то время я готовила к изданию монографию, посвященную проблемам числа и имени в новой мифологии музыкального романтизма [2], написанную на основе прежде не опубликованного в целостном виде раздела докторской диссертации. Я просила Ивана Арсеньевича разрешить мне посвятить ему, своему Учителю, эту книгу. Он ответил: «Мне будет очень приятно». Посвящение не носит формального характера. Диссертация «Диалектика мифологемы и новая мифология музыкального романтизма», как и ее заключительный раздел, написана вследствие бесконечного диалога, мысленно ведомого с Учителем. Прележав положенный срок в издательстве, книга вышла в конце мая 2007 г. Иван Арсеньевич не узнал о ее появлении.

«Делай что должно, и будь что будет», — этой заповеди, обретшей значение императива научной деятельности, уделил внимание Иван Арсеньевич в беседе осенью 2005 года — после предзащиты моей докторской диссертации. ***ОН*** повторял эту чеканную формулу, «тему-идею», вдумываясь в заключенные в ней глубины смысла, словно бы «прикладывая» к своей жизни. Этому жизненному и научному *specto* Иван Арсеньевич следовал до конца. Свидетельство тому — искусствоведческий форум, проведенный по составленному им плану в ноябрьские дни 2007 г., спустя полгода после его ухода. Максима, изреченная им во время нашей последней встречи холодной весной 2006 г.: «Кому быть повешенному, тот в огне не сгорит и в воде не утонет...», — обрела прогностически-фаталистическую окраску.

Тему своего доклада «Горизонты ренессансной рефлексии» я обговаривала с Иваном Арсеньевичем. Он санкционировал ее. Ныне открывается, что, помимо очевидного, она обладает символическим смыслом, заключенным в понятии ***возрождения*** как таковом.

Иван Арсеньевич мечтал о том, чтобы его ученики были рядом с ним. «Вы должны быть возле меня!» — многократно говорил *наш Котляревский*. Издание трудов, посвященное Учителю, должно объединить вокруг его светлой памяти далеких и близких учеников.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Котляревский И. А. Музыкально-теоретические системы европейского искусствознания / И. А. Котляревский. — К. : Музична Україна, 1983. — 157 с.
2. Рощенко Е. Г. Число и имя в новой мифологии музыкального романтизма (нумерологический и оноματοлогический методы анализа музыки) / Е. Г. Рощенко. — Харьков : ХНУРЕ, 2007. — 127 с.
3. Теоретичні та практичні питання культурології: українське музикознавство на зламі століть : зб. наук. статей. — Мелітополь: Сана, 2002. — Вип. ІХ. — 408 с.

Рощенко (Авер'янова) О. Імперативи і максими продуктивної наукової школи І. А. Котляревського. Перше слово — останнє слово... Принципи продуктивної наукової школи І. А. Котляревського тлумачено в аспекті відзеркалення особистісних якостей вченого. Надано специфічні риси продуктивної наукової школи І. А. Котляревського, серед яких — вміння виявити проблемну ситуацію, трактування теми дослідження як генокоду роботи, метод трансцендентного споглядання, діалектичний і системний методи дослідження, проблемний аналіз, понятійна щільність наукового тексту, його прогностичний характер, абстрактне мислення і дар наукового передбачення.

Ключові слова: продуктивна наукова школа, наукова мова, проблемний аналіз, тема дослідження, абстрактне мислення, дар наукового передбачення.

Roshchenko (Averyanova) E. Imperatives and maxims of productive scientific school of I. A. Kotlyarevsky. The first word — the last word... The principles of productive scientific school of I. A. Kotlyarevsky are treated in the aspect of scientist's personal qualities reflection. The distinctive features of productive scientific school I. A. Kotlyarevsky are presented, among which are the ability to detect a problematic situation, interpretation of research themes as genetic code works, the method of transcendental meditation, dialectical and systemic research methods, problem analysis, conceptual density of scientific text, its forward-looking, abstract thinking, and the gift of scientific prediction.

Keywords: productive scientific school, scientific language, problem analysis, research theme, abstract thinking, the gift of scientific prediction.

Стаття надійшла до редакції 20.04.2016

